

УДК 930:94(517)"17/20"

doi 10.17072/2219-3111-2019-2-14-23

ЗАПАДНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ О ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ РЕАЛИЯХ МОНГОЛИИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17
rpochekaev@hse.ru

История Монголии XVII – начала XX в. нашла освещение большей частью в записках русских путешественников, тогда как их западные коллеги в данный период бывали в этой стране не так часто. Тем ценнее представляются их сведения о различных аспектах жизни монголов, в том числе об их политической и правовой культуре. Анализируются материалы путешественников, побывавших в Монголии в разные периоды и с разными целями, – миссионеров Т. Перейры и Ф. Жербийона, Э.Р. Гюка и Ж. Габе, Ф.А. Ларсона, дипломатов Л. Ланга, Д. Белла и Г.И. Унферцагта, К. де Бурбулон, У.В. Рокхилла, Ч.У. Кемпбелла, инженера Р. де Батца, ученого С. Гедина, путешественников А. Мичи и В. Меньяна. Одни авторы в своих записках описывают реалии XVII–XVIII вв., другие – XIX и, наконец, начала XX в., освещая, таким образом, важные этапы истории Монголии – от попадания под власть империи Цин до возникновения предреволюционной ситуации, приведшей к созданию независимого Монгольского государства. Во всех анализируемых материалах можно обнаружить сведения о политическом устройстве и правовых традициях монголов. В зависимости от целей пребывания в Монголии и личностных особенностей (занимаемое положение, уровень образования и др.) каждый путешественник освещает те или иные вопросы политико-правовых аспектов жизни монголов. Во многих случаях информация иностранцев о государстве и праве монголов носит лапидарный характер, поскольку они не ставили задачей характеристику государственного устройства и правового положения Монголии. Тем не менее, их комплексное исследование, в т.ч. сравнительный анализ сведений различных авторов, позволяет сформировать представление о специфичном «западном» взгляде на монгольскую государственность и право.

Ключевые слова: Монголия, империя Цин, записки путешественников, традиционное государство и право, ориентализм.

«Монголия не привлекает значительного внимания англичан. И я этому не удивляюсь. Она мало или совсем непривлекательна для туристов. Нет живописных пейзажей или возможностей для спорта. Монгольская жизнь проста и не так уж хороша, и единственные предметы интереса – археологические находки, непривлекательные по форме и трудно достижимые» (*Campbell*, 1903, p. 485). Так характеризует Монголию один из путешественников, посетивший ее в начале XX в., и он, пожалуй, отражает общее западное представление о стране, сложившееся к этому времени. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Монголию в течение нескольких веков посетило очень мало западных путешественников, что резко контрастирует с многочисленными российскими дипломатическими, торговыми, научными миссиями в эту страну. В самом деле, до рубежа XIX и XX вв. на Западе практически не проявляли интереса к Монголии, и лишь в 1890-е гг. в этой стране начинают активно действовать представители сначала американского, а затем и европейского капитала, стремившиеся уменьшить влияние здесь своих российских, китайских и японских конкурентов [*Григорьевич*, 1965, с. 195, 201].

До этого времени в Монголии побывали и оставили записки о своем пребывании в этой стране лишь неизвестный западный путешественник в 1660-е гг., миссионеры португалец Т. Перейра и француз Ф. Жербийон в 1680–1690-е гг., французы Ж. Габе и Э.Р. Гюк в 1830-е гг., швед Ф.А. Ларсен в 1890-е гг., иностранные участники российских дипломатических миссий: швед Л. Ланг, англичанин Д. Белл и немец Г.И. Унферцагт в 1710–1720-е гг., французский инженер барон Р. де Бац в 1899 г., шведский ученый-исследователь С. Гедин в 1896 г., «экстремальные туристы» англичанин А. Мичи в 1863 г. и француз В. Меньян в 1873 г., дипломат сотрудник Государственного департамента США У.В. Рокхилл в 1891–1892 гг. и британский консул в Китае Ч.У. Кемпбелл в 1902 г. Некоторая информация о Монголии содержится в записках супруги француз-

ского посла (полномочного министра) в Китае во время Второй опиумной войны в 1860 г. К.Ф. Бурбулон².

Учитывая специфические цели и задачи иностранных путешественников в Монголии (которую многие из них посещали «проездом» – по пути в Китай или Тибет и обратно), не приходится удивляться, что их наблюдения об этой стране существенно отличаются от тех, которые приведены в записках их российских коллег, в цели которых входило получение ценных сведений для установления и развития дипломатических, политических и экономических контактов с монголами. В связи с этим российские источники содержат немало материалов о политическом и экономическом состоянии Монголии, тогда как западные очевидцы обращают внимание на удивительные для них примеры повседневной жизни, т.е. приводят данные преимущественно этнографического характера.

Весьма отчетливо эти различия видны при рассмотрении сведений о политико-правовом состоянии Монголии в конце XVII – начале XX в.³ Русскими путешественниками достаточно подробно описываются государственное устройство, административное управление, отношения с империей Цин, правовой статус князей и буддийского духовенства, а также разных слоев общества, система налогов и повинностей, регулирование торговли, преступления и наказания, семейно-правовые отношения и др.⁴ В записках же западных путешественников обращается внимание на некоторые наиболее странные, с их точки зрения, явления политического или правового характера, а также на те правовые отношения, участниками которых волей-неволей приходилось становиться им самим. При этом нельзя не отметить, что европейцы XVII в. и более позднего времени не выказывают изначально негативного отношения к монголам в отличие от своих предшественников эпохи Средневековья, большинство которых писало о жителях Монгольской империи, видя в них врагов и выходцев из ада [*Phillips*, 2014, p. 7].

Наиболее ранним западным свидетельством о Монголии являются записки некоего немецкоязычного путешественника⁵, который, около 1666 г. путешествуя по Сибири, побывал и на территории Западной Монголии, где в это время существовало могущественное Джунгарское ханство. Всего несколько кратких сведений политико-правового характера, тем не менее, представляют интерес для исследователей. Так, он описывает статус «калмыцкого царя» (джунгарского хана, или хунтайджи) как весьма могущественного правителя, который держит в подчинении собственных князей, несущих воинскую повинность, а также «бухарского царя», который платит ему дань верблюдами, седлами и китайскими товарами (*Алексеев*, 1936, с. 173–175). При этом неизвестный путешественник приводит весьма специфические детали, касающиеся обстоятельств подчинения «Бухарии» джунгарскому монарху, в частности, конфликта местного правителя со своим младшим сыном, перешедшим на сторону «калмыков». Это в полной мере соответствует событиям середины 1660-х гг., известным по восточным источникам: Абдаллах, правитель Восточного Туркестана, или Кашгарии (именно этот регион в российской и западной исторической традиции именуется «Малой Бухарией»), назначил наследником своего младшего сына Нураддина, что вызвало конфликт со старшим сыном Юлбарсом, который привлек джунгарские войска для борьбы с отцом [*Чимитдоржиев*, 1979, с. 12–15].

Кроме того, неизвестный путешественник достаточно много пишет о религии «калмыков», которые, по его словам, «язычники», но имеют «священников», главного из которых «читут они как святого и как бога, и верят в то, что он семь раз рождается вновь» (*Алексеев*, 1936, с. 173). Легко понять, что речь идет о буддизме (ламаизме), тем более что автор прямо упоминает «Талиламу» (Далай-ламу), и об институте хубилганов (перерожденцев). При этом путешественник замечает, что без воли такого «священника» ни царь, ни какой-нибудь князь ничего не предпринимают». Столь пристальное и отчасти критическое внимание к монгольскому буддизму позволяет сделать предположение о том, что и этот путешественник мог быть миссионером.

Несмотря на краткость сведений о монголах в записках этого автора, представляется, что он до некоторой степени «задал тон» для последующих западных путешественников, которые и в более поздние периоды обращали внимание на указанные аспекты политико-правовой жизни монголов.

И если Л. Ланг подобно немецкоязычному автору середины XVII в. еще сообщает о Джунгарском ханстве, в частности, отмечая, что его правителю Цэван-Рабдану (1697–1727) платили дань также сибирские подданные российского царя (*Катанов*, 1905, с. 4), то последующие иностранные

путешественники писали уже не о джунгарах (государство которых было разгромлено и присоединено к империи Цин в 1750-х гг.), а о государствах и областях собственно Монголии – как Северной (Халхи), так и Южной (современный автономный район Внутренняя Монголия в составе КНР).

На рубеже 1680-х и 1690-х гг. Халха официально признала вассалитет от империи Цин (Внутренняя Монголия вошла в ее состав еще в 1630-е гг.), и новый статус монгольских правителей неоднократно подчеркивался западными путешественниками, которые, впрочем, обращали внимание на сохранение внутренней автономии, прежней системы управления и т.д.

Согласно запискам членов российских посольств Л. Лангу (в дальнейшем длительное время проведенному при императорском дворе в Пекине в качестве российского торгового агента), его спутника художника Г.И. Унферцагта и шотландского врача Д. Белла крупнейший из правителей Северной Монголии Тушету-хан являлся «вице-королем» Монголии и именно он вел первичные переговоры с российскими дипломатическими миссиями (РКО, 1978, с. 491, 492, 563; Белевы путешествия, 1776, с. 3) [Катанов, 1905, с. 9]. Правда, он не принимал никаких важных решений международно-правового характера, заставляя дипломатов ждать, пока они не поступят из Пекина, а в ряде случаев передавал послов в руки уполномоченных китайских «министров», которые специально приезжали в Монголию для встречи и сопровождения посольств (РКО, 1990, с. 323). Тушету-хан мог принять только мелкие решения, в частности, по просьбе того же Ланга отменить задержание на границе своих владений русских торговых караванов и позволить им продолжать путь (РКО, 1990, с. 322).

Вассальная зависимость монгольских князей от императоров Цин выражалась в обязанности периодически являться к его двору в Пекине и привозить дань. Правда, далеко не всегда они удостоивались чести видеть самого императора – только по его личному волеизъявлению. Чаще всего князья взаимодействовали со специальными чиновниками – представителями «Управления колониями», как именует его мадам К. де Бурбулон (*Бурбулон*, 1885, с. 163): несомненно, речь идет о Лифаньюань – Китайской палате внешних сношений, в ведении которой находились Внешняя Монголия, а затем Тибет и Восточный Туркестан. Однако это не означало, что монгольские князья не пользовались уважением цинских властей: иностранцы упоминают, что императоры в обмен на символическую дань жаловали им богатые дары, платили жалование и выдавали за них даже собственных дочерей (*Larson*, 1930, р. 12). Наиболее яркий пример подобного рода приводят Э.Р. Гюк и Ж. Габе. Согласно им, один монгольский князь женился на императорской дочери и занял весьма высокое положение при дворе в Пекине, однако постоянно выражал желание вернуться в родные степи, тогда как его жена, напротив, приходила в ужас от перспективы жить в диких степных условиях. В результате было принято компромиссное решение: князь с супругой уехали в его владения в Монголии, но для дочери императора был выстроен целый город по китайскому образцу, и она жила в привычных ей условиях – во дворце и в окружении большой свиты (*Гюк и Габе*, 1866, с. 58–59)⁶.

Несмотря на постепенную интеграцию Внешней Монголии в политико-правовое пространство империи Цин (о которой достаточно подробно сообщают российские путешественники), иностранные очевидцы и в конце XIX в. отмечают, что монголы не платили никаких налогов в пользу маньчжурских властей – только собственным правителям (*Larson*, 1930, р. 12). Вместо этого они несли единственную повинность – воинскую, которая состояла, как правило, в охране границ и выделение некоторого количества воинов для сопровождения китайских и иностранных посольств от собственно китайских границ до пределов соответствующего государства и обратно (РКО, 1972, с. 704; Белевы путешествия, 1776, с. 21). Только в исключительных случаях монгольские войска действовали в других военных мероприятиях империи Цин: Ж. Габе и Э.Р. Гюк упоминают об участии монгольских войск в Первой опиумной войне, в которой монголы (по их собственным словам) проявили себя куда лучше, чем сами китайцы и солдаты, а Ч.У. Кемпбелл – о действиях монгольских солдат против русских во время «боксерского восстания» 1900 г. (*Гюк и Габе*, 1866, с. 27; *Campbell*, 1903, р. 506). Кроме того, до середины XIX в. китайские императоры из поколения в поколение приезжали в Халху для ритуальной охоты: в этих случаях монгольские ханы и князья выставляли определенное количество загонщиков для облав (*Гюк и Габе*, 1866, с. 12).

Однако сами китайцы никак не помогали своим монгольским вассалам, если те подвергались внешним нападениям. Так, по сообщению Т. Перейры, когда джунгары напали на монголов и разгромили их, китайцы не пришли им на помощь, а его спутник Ф. Жербийон замечает, что един-

ственная их помощь заключалась в том, что одному из монгольских князей, пострадавших от набегов джунгар, было позволено перебраться в китайские владения и остаться там (РКО, 1972, с. 709–710, 738).

Путешественники конца XIX – начала XX в. также подчеркивают традиционный характер власти в Монголии, отмечая, что правители административно-территориальных единиц (аймаков и хошунов) являются прямыми потомками Чингисхана, генеалогию от которого четко прослеживают (Batz, 1901, p. 501–502; Campbell, 1903, p. 500–501). Эти правители в своих владениях имели фактически абсолютную власть, обладали монополией на земельную собственность, тогда как их подданные европейские путешественники характеризуют как «рабов», отмечая, впрочем, что по укладу жизни знать и простолюдины мало отличаются друг от друга (Гюк и Габе, 1866, с. 116; Larson, 1930, p. 10).

Власть в Халхе с князьями делили представители духовенства, которое было весьма многочисленным, составляя не менее трети населения, поскольку каждая семья отдавала в монахи одного или более детей. При этом, как отмечают Ж. Габе и Э.Р. Гюк, цинские власти весьма активно покровительствовали монгольским буддистам (в отличие от китайских), считая, что чем больше монгольских мужчин уйдет в монахи, тем меньше останется тех, кто сможет восстать против маньчжурских властей (Гюк и Габе, 1866, с. 96). Неудивительно, что видные представители духовенства пользовались большим влиянием в экономической и политической жизни Монголии. Чтобы не давать самим монголам слишком много власти в духовной сфере, имперские власти старались назначать на высшие должности в буддийской церкви Монголии выходцев из Тибета, к каковым относились практически все настоятели крупных монастырей и даже сам глава монгольского буддизма – Богдо-гэгэн (Гюк и Габе, 1866, с. 22; Batz, 1901, p. 517)⁷. Соответственно, в своих владениях и сам Богдо-гэгэн, и настоятели монастырей обладали всей полнотой законодательной, административной и судебной власти при содействии своих управляющих-казначеев и советников. Если же настоятели по каким-либо причинам начинали конфликтовать с подчиненными (причем порой доходило до разбирательства в китайских судах), то монастырь без согласованного управления мог прийти в упадок (Гюк и Габе, 1866, с. 70–71). Отсюда необходимость в постоянном поиске перерожденцев, если тот или иной высокопоставленный лама-хубилган умирал. Подобно первому иностранцу, побывавшему в Монголии в 1660-е гг., путешественники и в XVIII, и в XIX, и в начале XX в. постоянно упоминают этот институт, который представлялся им уникальным и самобытным (Белевы путешествия, 1776, с. 7–9; Batz, 1901, p. 517; Larson, 1930, p. 96; Megnan, 1877, p. 294–295) [Шафрановская, 1969, с. 51].

Имея разные льготы и иммунитеты, ламы представляли весьма привлекательными кандидатами на должности гонцов, а также, вероятно, в силу того, что они пользовались правом сбора милостыни и пожертвований, отправлявшим их с посланиями не нужно было тратиться на их содержание в пути. Так, если Л. Ланг в первой четверти XVIII в. упоминает о том, что Тушету-хан отправлял в Пекин ламу в качестве гонца, то, согласно сообщению А. Мичи, подобным же образом поступали и русские пограничные власти, отправляя монгольских лам с посланиями в Монголию и Китай (РКО, 1978, с. 492; Michie, 1864, p. 125).

Будучи монахами, буддийские священнослужители-ламы должны были отказываться от брака и от употребления мясной пищи, однако, как отмечают иностранные очевидцы, неоднократно делались исключения. Так, ламы, не вступая в официальный брак, открыто держали любовниц, в результате чего многие отцы предпочитали выдавать своих дочерей замуж официально – даже в качестве вторых и более младших жен, лишь бы они не становились жертвами распутства лам (Гюк и Габе, 1866, с. 128). Зная о действии закона celibата в среде буддийского духовенства, Ч.У. Кемпбелл был «трижды шокирован», узнав, что Богдо-гэгэн VIII был официально женат и открыто участвовал вместе с женой и ребенком в священных церемониях (Campbell, 1903, p. 512). То же касалось и запрета на мясо: учитывая особенности климата и хозяйства в Монголии, ламы спокойно нарушали запрет на его употребление (Larson, 1930, p. 69).

В отличие от Халхи Внутренняя Монголия была в большей степени интегрирована в имперское пространство, и наблюдения западных путешественников это иллюстрируют. Так, на западе региона, в Тумэте, многие монголы уже в первой половине XIX в. перешли к земледелию, восприняли обычаи и даже язык китайцев, в результате чего под покровительством маньчжурских властей стали жить лучше своих сородичей-кочевников, на которых уже смотрели с презрением (Гюк

и Габе, 1866, с. 74). В соседней области Ордос в это время монгольские обычаи и монгольская традиционная система управления сохранялись, но побывавший там в конце того же века американец У.В. Рокхилл отмечал, что и в Ордосе было много окитаившихся монголов (*Rockhill*, 1894b, p. 19).

Помимо прямой китаизации населения Внутренней Монголии цинские власти использовали и другие способы интеграции ее в имперское пространство. Так, войска, состоявшие из местного населения, чахары, подобно собственно маньчжурским, делились на знамена и считались гвардией императоров, что предполагало предоставление им разного рода льгот и преимуществ (*Бурбулон*, 1885, с. 47; *Гюк и Габе*, 1866, с. 29; *Campbell*, 1903, p. 492). В этой же области выделялись специальные пастбища для императорских стад верблюдов, коров, лошадей и пр. Ряд семейств чахаров из поколения в поколение работали смотрителями этих стад («йо-му») и должны были возмещать за свой счет потери в поголовье. Значение этих пастбищ подчеркивалось тем, что областью, в которой они располагались, управлял даже не монгольский князь, а китайский вице-губернатор. Правда, со временем смотрители научились получать прибыль «за счет императора», обменивая с китайцами за небольшие деньги хороший скот на плохих и старых животных. При этом количество голов скота не уменьшалось, и императорские ревизоры не имели оснований привлекать смотрителей к ответственности (*Гюк и Габе*, 1866, с. 29–30; *Campbell*, 1903, p. 506; *Rockhill*, 1894a, p. 358).

О торговле в Монголии западные путешественники говорят нечасто, поскольку в отличие от русских с торговыми миссиями до конца XIX в. они не приезжали. Тем не менее и их немногочисленные сведения дают некоторое представление об экономике Монголии и ее правовом регулировании. Торговля среди монголов в течение многих веков носила исключительно меновой характер: местные жители обменивали скот, шерсть, кожу, грибы и прочее на товары русского и китайского производства: мануфактуру, зерно, водку, табак, плиточный чай и пр. (Белевы путешествия, 1776, с. 10; *Гюк и Габе*, 1866, с. 21, 48; *Batz*, 1901, p. 523–524). Именно поэтому проваливались попытки открытия в Монголии даже на рубеже XIX и XX вв. разного рода фирм и банковских учреждений: местные жители не были заинтересованы в банковских операциях, поскольку не пользовались деньгами (*Larson*, 1930, p. 244).

Западные путешественники обращали внимание на богатые природные ресурсы Монголии, отмечая при этом, что ни монгольские, ни китайские власти не создавали условия для развития добывающих промыслов. Единственное исключение составляла соль: она добывалась в озере Дабасун-Нур в юго-западной Монголии, и к местам добычи вели хорошие дороги, пригодные для повозок, запряженных быками (*Campbell*, 1903, p. 496). Несмотря на большие залежи золота и серебра, их начали добывать в небольшом количестве лишь к концу XIX в. (*Larson*, 1930, p. 65–66, 158). До этого же времени китайцы незаконно вели добычу золота в Монголии. Они получали необходимые продукты питания, топливо и прочее путем грабежа проживавших по соседству монголов, что заставляло местных князей порой принимать решительные меры и задействовать свои войска против китайских грабителей, жестоко карая их (*Гюк и Габе*, 1866, с. 15–16). Богатейшие же залежи меди вообще оставались невостребованными, пока российский предприниматель барон де Грот, сделав вдовствующей императрице Цы Си, фактической правительнице империи Цин (ум. в 1908), подарок в 50 серебряных рублей, не добился от нее предоставления в Монголии концессии на организацию Монгольской медно-добывающей компании с уставным капиталом 3 млн. золотых рублей. Однако, как отмечает Ф.А. Ларсон, несмотря на природные богатства Монголии, ведение бизнеса в ней весьма проблематично, поскольку трудно организовать доставку сырья и продукции из-за отсутствия транспортной инфраструктуры (так, русским предпринимателям не удалось получить разрешения на строительство железной дороги из Сибири через пустыню Гоби до Пекина из-за незаинтересованности монголов в этом проекте) и необходимости ввоза рабочей силы из России или Китая (*Larson*, 1930, p. 245, 246, 254).

Кстати, именно в экономической сфере иностранцы отмечают наибольшее число преступлений, как правило, совершавшихся китайцами в отношении монголов, не сведущих в правилах торговли и смежных сферах. Неопытных в торговле монголов китайские торговцы обмеривали и обвешивали, обменивали на свои товары скот по заниженной цене (поскольку сами монголы не представляли его рыночной стоимости), а чиновники на границе между монгольскими и китайскими землями вынуждали монголов-торговцев платить большие пошлины, хотя официально они в разные периоды либо были небольшими, либо вообще отсутствовали. В результате многие монголы попадали в долговую кабалу к китайским торговцам и даже не могли защитить свои интересы в

суде, потому что «китайцы умеют хорошо говорить и лгать» и «монгол никогда не будет прав перед китайцем» (*Гюк и Габе*, 1866, с. 15, 87–88, 158).

Самых монголов иностранцы характеризуют как исключительно честных людей, не способных на хитрость, мошенничество и воровство. В качестве примера они ссылаются на обычаи, которые отражают эти качества монголов. Один из них состоял в том, что если монгол не мог вернуть долг, то за него должны были платить его родственники и соседи, чем весьма злоупотребляли китайцы (*Larson*, 1930, p. 259). Вторым заключался в том, что рядом с юртой монгола можно было поставить собственную юрту, лавку, не спрашивая у него разрешения, при этом он нес ответственность за пропажу товаров владельца лавки и, пока пропавшее не найдено, считался либо вором либо укрывателем краденого (*Гюк и Габе*, 1866, с. 48, 113). Именно поэтому китайцы предпочитали ставить свои лавки рядом жилищами простых монголов, в крайнем случае – около монастырей, но никогда не рядом с резиденциями князей, которых обвинять в воровстве было бы рискованно (*Larson*, 1930, p. 251).

Воровство как таковое среди монголов не было распространено, и они блюли право собственности. Например, как сообщают Э.Р. Гюк и Ж. Габе, в Ордосе население, даже живя на скудных землях, никогда не занимало соседних более плодородных участков, если они находились в чужом владении. Если убежит конь, то нашедший его был обязан заботиться о нем, кормить и, когда появится хозяин, вернуть ему без всякой оплаты (*Гюк и Габе*, 1866, с. 115). Аналогичным образом во время охоты монголы никогда не вторгались на участки, отведенные другим охотникам (*Гедин*, 1899, с. 315–316).

Западные путешественники время от времени становились жертвами воровства, и в этих случаях монголы старались принять все меры для поиска украденного. Так, когда у Гюка и Габе пропало несколько лошадей, сразу восемь монголов вскочили на коней, отправились на поиски и через два часа пригнали пропавших животных (*Гюк и Габе*, 1866, с. 48–49).

Несмотря на столь восхваляемую честность монголов, у них практиковался специальный ритуал, осуществляемый ламами (естественно, за вознаграждение!) и позволявший, по их воззрениям, легко найти пропажу и вора. Д. Белл приводит рассказ русского купца, у которого украли несколько концов камчатой ткани, и в ответ на его жалобу был проведен этот ритуал: «Один лама взял скамейку о четырех ножках и, поворачивая ее многократно во все стороны, поставил напоследок концом прямо против той палатки, где покража сия была спрятана» (Белевы путешествия, 1776, с. 10–11). Еще один ритуал, оказавшийся, правда, куда менее эффективным, описывает А. Мичи. Когда у него пропало из повозки несколько безделушек, подаренных ламой, пришли двое лам, которые попытались найти вора, используя колокольчик, книгу и свечу. По их словам, вор был обнаружен, но уже находился слишком далеко, чтобы его настичь (*Michie*, 1864, p. 118–119). Любопытно, что монголы попытались привлечь к проведению такого ритуала миссионеров Гюка и Габе, приняв их за лам и попросив найти пропавших коней, и только после их отказа отправились на поиски сами (*Гюк и Габе*, 1866, с. 17).

Нельзя не обратить внимания на то, что иностранные путешественники говорят о честности именно халхасских монголов, отмечая, что южные монголы и в особенности жители пограничья, «полукровки», не похожи на них своими человеческими качествами. Так, согласно У.В. Рокхиллу, на границе китайских и южно-монгольских владений приходилось держать специальный отряды «янг» – исключительно для отражения набегов монгольских грабителей, а Ф.А. Ларсон сам стал жертвой нападения грабителей прямо на границе Монголии и России (*Rockhill*, 1894b, p. 8; *Larson*, 1930, p. 259). Именно жителю Южной Монголии, уже успевшему освоить некоторые китайские методы торговли и обмана, согласно Э.Р. Гюку и Ж. Габе, удалось обмануть китайских ростовщиков. Он принес им слиток серебра, весивший, по его словам, 52 унции, но китайцы, желая его обмануть, заявили, что его вес 50 унций, с чем он согласился. Затем китайцы обнаружили, что слиток фальшивый и вызвали монгола в суд: за фальшивомонетничество грозила смертная казнь. На суде монгол отрицал, что знал о том, что слиток фальшивый, говоря, что он «простой, не хитрый человек», и, в свою очередь, потребовал перевесить слиток. Когда оказалось, что он весил все же 52 унции, суду пришлось принять решение в пользу монгола и присудить китайских ростовщиков к наказанию палками (*Гюк и Габе*, 1866, с. 90–91).

О самом суде иностранцы практически не пишут, вероятно, потому, что сами не присутствовали на разбирательствах. Из их кратких сведений можно сделать вывод о том, что в

Монголии чаще всего судили в своих владениях ханы, князя и буддийские иерархи. Только участник русской посольской миссии 1719–1722 гг. Г.И. Унферцагт упоминает, что встретил по пути шестого сына императора Канси, который ездил в Монголию для решения «небольшого спора, возникшего среди монголов» (РКО, 1978, с. 565). Учитывая то, что других подобных сообщений в проанализированных нами источниках не встречается, этот случай, по-видимому, является исключением. Авторитет официальных судов в глазах монголов определяется фразой одного монгола в разговоре с Э.Р. Гюком и Ж. Габе: «Га, за правосудием к начальству! Это невозможно» (*Гюк и Габе*, 1866, с. 15).

Привлекала внимание иностранцев такая сфера правоотношений, как брак и семья, причем сведения о ней разных путешественников довольно противоречивы. Так, ученый С. Гедин отмечает, что у монголов преобладает моногамия, и женщины пользуются большей свободой, чем в мусульманском мире: имеют право есть вместе с мужчинами, не закрывать лица и пр. (*Гедин*, 1899, с. 322). Надо полагать, шведский путешественник указал на это после посещения Восточного Туркестана, население которого строго соблюдало мусульманские каноны.

Миссионеры же, напротив, с осуждением говорят о многоженстве монголов, отмечая, что первая жена всегда является главной и другие должны ей подчиняться. Впрочем, если Э.Р. Гюк и Ж. Габе говорят об этом обычае применительно ко всем монголам, то их коллега Ларсон, побывавший в Монголии полувеком позднее, упоминает, что лишь монгольские ханы и князья могут взять столько жен, сколько пожелают (*Гюк и Габе*, 1866, с. 128; *Larsen*, 1930, p. 10; ср.: *Campbell*, 1903, p. 502).

У монголов брак заключался в раннем возрасте по воле родителей жениха и невесты без согласия последних. Жених должен был преподнести родителям невесты подарок в размере, который они сами определяли, так что, как неоднократно отмечали иностранцы, брак представлял собой «гражданско-правовую сделку», при заключении которой четко регламентировались личные и имущественные права сторон (*Гюк и Габе*, 1866, с. 126–127; *Campbell*, 1903, p. 502). Так, девушка, которую родители выдали замуж насильно, имела право покинуть супруга в течение трех дней после свадьбы (*Larsen*, 1930, p. 10). Развод был достаточно прост, мог произойти по решению любой из сторон, не создавая никаких ограничений для вступления в другой брак. И обе стороны сохраняли свое имущество, а жена, в частности, имела право на приданое (*Campbell*, 1903, p. 502).

Некоторые иностранцы отмечают и более экстравагантные формы отношений мужчин и женщин. Например, Ч.У. Кемпбелл, констатируя распространенность сожителства без заключения брака как привычный обычай, вспоминает, что встречал женщину с двумя мужьями, что было необычно, но не вызывало нареканий со стороны окружающих. При этом англичанин язвительно замечает, что эта женщина была «единственным мужчиной» в семье (*Campbell*, 1903, p. 502).

Как можно увидеть, западные путешественники не ставят перед собой цели дать исчерпывающую характеристику политико-правового состояния Монголии. Одни из них, будучи миссионерами, пытаются определить степень законности и нравственности в традиционном монгольском обществе, «ненавязчиво» подводя читателя к мысли о несовершенстве правовых отношений в среде «язычников»-монголов. Туристы и даже некоторые ученые и дипломаты обращают внимание на оригинальные или даже забавные, по их мнению, случаи из правовой практики, лишь в редких случаях приводя объективные данные о состоянии системы власти, управления и экономики в Монголии, о правовом регулировании этих отношений. Таким образом, сведения западных путешественников о государстве и праве Монголии в XVII – начале XX в., как кажется, в большей степени являются источником о представлениях европейцев о Востоке, чем о монгольской государственности и праве, о которых гораздо более полные сведения можно извлечь из записок русских путешественников.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 18–IP–01, поддержанного НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург. Она представляет собой расширенную и дополненную версию доклада, сделанного на научной конференции «Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты и ученые-путешественники между Западом и Востоком в XVIII–XX вв.» (Москва, Институт славяноведения РАН, 16 – 17 октября 2018 г.).

² Помимо использованных нами записок самой г-жи де Бурбулон имеется работа французского дипломата А. Пуссельга, который описал путешествия посла и его супруги по Китаю и Монголии (*Poussielgue*, 1866).

³ Мы ограничиваемся анализом сведений о Монголии в составе империи Цин, поскольку ситуация существенно меняется после революции 1911 г. и провозглашения Монгольской автономии, хотя и к этому периоду относится некоторое количество записок западных путешественников (см., например: *Bulstrode*, 1920; *Carruthers*, 1914).

⁴ Записки российских путешественников были проанализированы нами ранее [*Почкаев*, 2016, 2017, 2018].

⁵ Опубликовавший перевод его записок М.П. Алексеев упоминает предположение о том, что это мог быть датский дипломат Ф. Габель, побывавший в России в 1676 г., однако, как вытекает из текста, путешествие совершено десятилетием раньше (*Алексеев*, 1936, с. 98).

⁶ По-видимому, речь идет не о каком-то современнике французских миссионеров, а о князе Дондубдорджи (ум. в 1743), сведения о котором имеются в китайских источниках [*Успенский*, 2013].

⁷ Любопытно, что тибетское происхождение последнего Богдо-гэгэна не помешало монголам провозгласить его ханом, хотя этот титул должны были носить только потомки Чингисхана: считаясь перерожденцем первого и второго Богдо-гэгэнов (действительно являвшихся Чингизидами), в глазах монголов он также был представителем ханской династии [*Батсайхан*, 2018, с. 42, 369].

Список источников

Алексеев М.П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. I. С. 97–194.

Белевы путешествия чрез Россию в разные азиатские земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / пер. с фр. М. Попова. СПб.: Имп. академия наук, 1776. Ч. 2. 244 с. *Бурбулон* [К.Ф. де], г-жа. Записки о Китае. СПб.: Типо-литография П.И. Шмидта, 1885. 317 с.

Гедин С. В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие в 1893–1897 годах / Пер. со швед. А. и П. Ганзен. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1899. Т. 2. 455 с.

Гюк и Габе. Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-ламы. М.: Изд. К.С. Генрих, 1866. 334 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы (РКО). Т. 2: 1686–1691. М.: Наука, 1972. 835 с.

Русско-китайские отношения в XVIII веке (РКО). Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. 703 с.

Русско-китайские отношения в XVIII веке (РКО). Т. 2: 1725–1727. М.: Наука, 1990. 669 с.

Batz R. de. Voyage en Mongolie // Le tour du monde. Т. 7. Nouvelle serie. 1901. No. 42. P. 493–528.

Bulstrode B. (Mrs. E. M. Gull). A tour in Mongolia: With an introduction bearing on the political aspect of that country by D. Fraser. London: Methuen & Co., 1920. 237 p.

Campbell C.W. Journeys in Mongolia // The Geographical Journal. 1903. Vol. 22, No. 5. P. 485–518.

Carruthers D. Unknown Mongolia: A Record of Travel and Exploration in North-West Mongolia and Dzungaria. Philadelphia; London, 1914. Vol. 1–2. 658 p.

Larson F.A. Duke of Mongolia. Boston: Little, Brown and Co., 1930. 296 p.

Megnan V. De Paris a Peking par terre Siberie – Mongolie. 3-me ed. Paris: E. Plon et Cie, 1877. 396 p.

Michie A. The Siberian Overland Route from Peking to Petersburg through the Deserts and Steppes of Mongolia, Tartary, etc. London: John Murray, 1864. 402 p.

Poussieltgue A. Voyage en Chine et en Mongolie de M. de Bourboulon, minister de rance et de Madame de Bourboulon, 1860–1861. Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1866. 462 p.

Rockhill W.W. A Journey in Mongolia and in Tibet // The Geographical Journal. 1894a. Vol. 3, №. 5. P. 357–388.

Rockhill W.W. Diary of a journey through Mongolia and Tibet in 1891 and 1892. Washington: Smithsonian Institution, 1894b. 413 p..

Библиографический список

Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. Б.м.: Тов-во научных изданий КМК, 2018. 406 с.

Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1965. 602 с.

Катанов Н. Ф. Известия Лоренца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск: Тип. Епархиального браства, 1905. 10 с.

Почекаев Р.Ю. Российские военные исследователи о правовых реалиях Монголии конца XIX в. (по материалам «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии») // *Eurasia: statum et legem* (Евразия: государство и право). 2016. № 6. С. 76–87.

Почекаев Р.Ю. Сведения российских дипломатов XVII в. о монгольском праве // *Mongolica XX*. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018. С. 21–29.

Почекаев Р.Ю. Традиционное право Монголии под властью империи Цин в записках российских путешественников XIX – начала XX века // *Сибирский юридический вестник*. 2017. № 3. С. 14–21.

Успенский В.Л. Карьера князя Дондубдорджи как отражение политики династии Цин в отношении Халха-Монголии // XVII Междунар. науч. конф. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива. “Традиционализм” и “революционизм” на Востоке». 24–26 апреля 2013 г. СПб.: Б.и., 2013. С. 206–207.

Чимитдоржиев Ш.Б. Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1979. 87 с.

Шафрановская Т.К. Сведения о Сибири и Монголии в дневниках Лоренца Ланга // *Страны и народы Востока*. М.: Наука, 1969. Вып. 8. С. 40–52.

Phillips K. M. *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 314 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.01.2019

WESTERN TRAVELERS ON POLITICAL AND LEGAL REALITIES OF MONGOLIA IN 17TH – EARLY 20TH CENTURIES

R. Yu. Pochekaev

National Research University “Higher School of Economics”, Promyshlennaya str., 198099, St. Petersburg, Russia
rpochekaev@hse.ru

The history of Mongolia in the 17th – early 20th centuries is covered mostly in the notes of Russian travelers and scholars, whereas their Western colleagues did not visit the country often. That is why their information on different aspects of the life of Mongols including its political and legal culture is of great value. The author analyzes the notes of Western travelers who visited Mongolia during different periods of its history and for different purposes – missionaries (T. Pereira, J.-F. Gerbillon, R.E. Huc and J. Gabet, F.A. Larson, etc.), diplomats (L. Lang, J. Bell, G.J. Unverzagt, C.F. de Bourboulon, W.W. Rockhill, C.W. Campbell, etc.), scientists and technicians (R. de Batz, S. Hedin, etc.), travelers (A. Michie, V. Megnan, etc.). The author deals with the information on important stages of Mongolian history: from its submission to the Qing Empire until the pre-revolutionary situation resulted in the foundation of an independent state. There are materials on political structure and legal relations of Mongols more or less included in all analyzed notes. Depending on purposes of visit to Mongolia and personal characteristics (such as position, level of education, etc.), each traveler paid more attention to specific features of political or legal life of Mongols. The question of Western (Europocentric) view on the Mongol state and law is also considered in the article.

Key words: Mongolia, Qing Empire, travelers’ notes, traditional state and law, orientalism.

References

Batsaykhan, O. (2018), *Posledniy velikiy khan Mongolii Bogdo Dzhеbtsundamba-khutukhta VIII. Zhizn' i legendy* [The last great khan of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukta. Life and legends], Tov-vo nauchnyh izdaniy KMK, Moscow, Russia, 406 p.

Chimitdorzhiev, Sh.B. (1979), *Vzaimootnosheniya Mongolii i Sredney Azii v XVII–XVIII vv.* [Relations of Mongolia and Central Asia in 17th–18th centuries], Nauka, Moscow, Russia, 87 p.

Grigortsevich, S.S. (1965), *Dal'nevostochnaya politika imperialisticheskikh derzhav v 1906–1917 gg.* [Far East policy of imperialist powers in 1906–1917], Izd-vo Tomsk. un-ta, Tomsk, Russia, 602 p.

Katanov, N. F. (1905), *Izvestiya Lorentsa Lyange 1716 goda o Sibiri i sibirskikh inorodtsakh* [Information of Lawrence Lang of 1716 on Siberia and Siberian aborigines], Tip. Eparhial'nogo bratstva, Tobol'sk, Russia, 10 p.

Phillips K. M. (2014), *Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA, 314 p.

Pochekaev, R. Yu. (2016), “Russian military researchers on Mongolian legal realities at the end of the 19th century (based on the materials of “Collection of geographic, topographic and statistic materials on Asia”)", *Eurasia: statum et legem*, № 6, pp. 76–87.

Pochekaev, R. Yu. (2017), "Traditional law of Mongolia under the power of Qing Empire as it described by Russian travelers of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries], *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, № 3, pp. 14–21.

Pochekaev, R. Yu. (2018), "Information of Russian diplomats of the 17th century on the Mongolian law", *Mongolica*, № 20, pp. 21–29.

Shafranovskaya, T.K. (1969), "Information on Siberia and Mongolia in the diaries of Lawrence Lang", *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East], vol. 8, Nauka, Moscow, Russia, pp. 40–52.

Uspenskiy, V.L. (2013), "The career of prince Dondubdordji as a reflection of the Qing dynasty policy towards Khalkha-Mongolia", in *XVII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki «Lokal'noe nasledie i global'naya perspektiva. "Traditsionalizm" i "revolyutsionizm" na Vostoke»* [XXVII International Conference on historiography and source studies of Asia and Africa "Local heritage and global perspective: "traditionalism" and "revolutionism" in the East"], w.p., St. Petersburg, Russia, pp. 206–207.